

Эстер Маркиш

**СТОЛЬ
ДОЛГОЕ
ВОЗВРАЩЕНИЕ**

Москва, 2018

УДК 821.161.1.94
ББК 84 (5ИЗр)
М 26

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям
в рамках реализации Федеральной целевой программы
“Культура России (2012–2018)”.

Оформление серии Андрея Бондаренко

В оформлении обложки использован

ISBN 978-5-9953-0582-8

© Эстер Маркиш, наследники, 2018

© “Книжники”, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие автора к русскому изданию</i>	7
Предисловие	9

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Погром в Екатеринославе	15
2. Из Баку в Москву	29
3. Цыганский уголок	43
4. Перец Маркиш	49
5. Праведник Давид	64
6. “Золото” моего отца	83
7. Дом писателей	102
8. Год потопа	119
9. Соломон Михоэлс	133
10. Шурина одиссея	149
11. Эвакуационный поезд	166
12. “Светская жизнь” в Ташкенте	182
13. “Кроме евреев”	194

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

14. Арест	221
15. Накануне погрома	245

16. “Где ваши Абрамчики?”	261
17. “Убийцы” реабилитированы	281
18. Вавилонская башня в Казахстане	302
19. Прощай, “Ехіл-Орда”!	321
20. Илья Эренбург	335
21. “За нами должок”	350
22. Мои первые израильтяне	365
23. Июнь 1967: “Голос Израиля”	381
24. Последнее сражение	403
<i>Об авторе</i>	427

Предисловие автора к русскому изданию

С того времени как эта книжка вышла впервые — по-французски, — прошло пятнадцать лет. Немало воды утекло с тех пор — мутной и кровавой, соленой и пресной, — но никак не прозрачной и не сладкой. Много изменилось в мире — и в Советском Союзе, откуда я уехала, и в Израиле, куда я вернулась. Но вряд ли человек, или, если угодно, Человек, стал за эти годы лучше, совестливей и добрей. Поэтому те страшные времена, которые я описала в этой книге, хоть и ушли в историю, но не окаменели, не омертвели. Они не только напоминают о вчерашнем — они говорят о завтрашнем, потому что сегодня решается судьба одной шестой части мира, на которой расположен Советский Союз. И от этого решения отчасти зависит и судьба остальных пяти шестых.

Возврата к прошлому нет — в этом сходятся мнения советологов и экономистов, футурологов и гадателей на кофейной гуще. Но кто возьмет на себя ответственность сказать, что будущее не может стать еще более страшным, чем прошлое? У власто-

Эстер Маркиш. Столь долгое возвращение

любия нет границ, у порока нет дна, и эти две столь человеческие черты, слитые воедино, способны породить новое чудовище, с новыми отменными зубами и стальными когтями. Дай Бог, чтобы этого не произошло!

Сегодня, спустя пятнадцать лет, я ничего не меняю в моей книге, ничего не добавляю и ничего не убавляю. Пусть читатель воспримет ее такой, какой она была написана — и все же сделает в своей душе поправку на время.

Май 1989

Тель-Авив

Предисловие

Мои воспоминания и моя жизнь — лишь производные от жизни Переца Маркиша, от его оставшихся ненаписанными воспоминаний. Вся моя жизнь — до того, как его увели в ночь на 27 января 1949 года, и после того. Вплоть до нынешней минуты, когда я пишу эти строки в своем новом доме, на своей древней родине, вплоть до того мига, который станет моим последним.

Дело не в том, что Маркиш “создал” меня, сформировал мои взгляды и убеждения, приобщил к еврейской культуре и еврейскому миру. Это само собой разумеется и не требует объяснений. Но есть по крайней мере три обстоятельства, которые надо объяснить с полной ясностью.

Маркиш любил свой народ. В этой любви не было ничего показного, ничего истеричного или аффектированного, как у многих великих и искренних народолюбцев минувших и настоящих времен. Не было в нем и ни крошки пренебрежения к другим народам. (Вспомним, для примера, хоть Достоевского, особенно в “Дневнике писателя” — с его почти шаманскими вещаниями о “новом слове”, которое

русский народ изречет прогнившей Европе, с неистощимой бранью по адресу “жидов” и “полячишек”.)

Маркиш любил свой народ, как любят большую разномастную родню, радуясь доброму в ней, не прощая худого, но нуждаясь в ней повседневно и повсечасно, потому что она дала ему все — ум, чувства, юмор, честь, сознание собственного достоинства, самое умение отличать добро от зла, наконец. И как невозможно себе представить, чтобы можно было простить убийцу, решившего извести всю твою семью, как не мог забыть Маркиш шести миллионов евреев, убитых германским фашизмом, так никогда не мог бы он простить преемников своих убийц. Пуля, пущенная ему в затылок, отняла жизнь не только у него, но и у той культуры, которая была смыслом всей его жизни. Если бы Маркиш мог подняться из пепла, развеянного палачами по ветру почти четверть века назад, он расстался бы с Россией навсегда, как бы тяжело и горько ни было это расставание. Вот почему я в Израиле — не вместо него, но вместе с ним.

Я сказала, что расставание было бы и горьким, и тягостным. Всеми силами, всей нежностью души Маркиш был привязан к еврейской культуре диаспоры, верил в ее жизнеспособность и большое, долгое будущее российского еврейства. Он воспевал советскую власть не из личной выгоды и не из соображений текущей минуты, но по непоколебимому убеждению, что эта власть раскрепостила его народ, разрушила стены гетто ради нового, вольного цветения и вольного полета. (Отсюда в первую очередь революционное бунтарство Маркиша и его пафос.) Маркиш заблуждался. Он заплатил за свое заблуждение кровью и мозгом, разбрызгавшимся по стенам подвала, где его застрелили. Но и это не искупает заблуждения. Если бы пепел мог ожить, Маркиш был

Предисловие

бы сегодня там, где зеленеет и крепчает молодой побег от древнего ствола еврейства, — в Израиле. Вот почему я в Израиле, и я уверена, что он одобряет мое решение: “Правильно, Фирка, молодец!”

И третье. В повести Кацетника “Часы над головой” есть такой эпизод: в гитлеровском лагере смерти, на пороге газовой камеры хасидский цадик говорит своему ученику, что и в их мученичестве есть Божий промысел — из их праха родится новый Израиль. Так и смерть Маркиша и его товарищей: убийцы рассчитывали, что это будет началом физического и духовного истребления российского еврейства, но погром 1949–1952 годов стал в конце 1960-х одним из самых мощных источников нашей решимости (горькой решимости, позволю я себе повторить!) расстаться с прошлым бесповоротно.

Маркиш — его имя, память о нем — самый деятельный и влиятельный участник движения, охватившего российское еврейство, российской алии, как говорят в Израиле. Вот почему я в Израиле — вместе с Маркишем.

Я в Израиле, и я счастлива не только ощущением свободы, но и сознанием исполненного долга. Тех, кто помог мне исполнить мой долг и без чьей помощи наша мечта о свободе не сбылась бы никогда, я благодарю, жалея лишь о том, что не могу увидеть и обнять каждого из них. Их очень много, они принадлежат ко всем расам и национальностям, это поистине “интернационал добрых людей”, о котором мечтал герой рассказа Исаака Бабеля местечковый мудрец Гедалье, размышляя о жестокости революции.

Пятеро из них встретили нас в Вене — Барбара Оберман из Англии, Джоел Спрайрегн с женой из США, Алекс Бюшенжер из Франции, Ицхак Кац из Западной Германии.

Я благодарю умного и обаятельного отца Мишеля Рике — французского католического священника, навестившего нас в Москве. Он пришел к нам в трудные для нас дни, и его мудрые слова и действенная помощь вернули нам почти утраченную было надежду. Я хочу помянуть добрым словом покойного Андре Блюмеля — мужественного человека с добрым сердцем, проявлявшего искреннее сочувствие к московским “израильтянам” и помогавшего им. Я выражаю благодарность госпоже Ванклер, которая, встретившись со мной в Израиле в первые дни моего приезда, предложила мне написать эту книгу и помогла ее опубликовать по-французски. С благодарностью буду я всегда вспоминать Грейвеля Джанера — члена палаты общин Великобритании, чьи телефонные звонки из Лондона каждую пятницу раздавались в нашей московской квартире, вселяя в нас бодрость и веру.

Я хочу вспомнить особо удивительную встречу в Бостоне, которая потрясла меня до глубины души в самом прямом смысле этого слова. Перед одним из выступлений, в фойе театра, ко мне вдруг бросился юноша со словами: “О, госпожа Маркиш, неужели это в самом деле вы? Неужели мы дождались?” И он обнимал меня и плакал навзрыд, и я тоже плакала, конечно. Я так и не узнала его имени, и перед этой безымянной и бескорыстной любовью, воплощением которой он был в ту минуту, я склоняюсь в благоговении до земли.

Да, мы дождались, а Маркиш не дождался. И памяти всех недождавшихся я посвящаю свою книгу.

1974
Тель-Авив

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Погром в Екатеринославе

И по сей день Баку разделен на две части: Черный город и просто Город. Нынче нет границы между двумя этими частями, и Черный город так же зелен, как и “Белый”. В начале прошлого века Черный город был средоточием зарождающейся нефтяной промышленности. Буровые вышки и нефтекачалки торчали там из земли, подобно голым железным кустам и деревьям.

Там, в Черном городе, стоял дом моего отца Ефима Лазебникова — нефтепромышленника, владельца нефтяной земли. Там бы и появилась я на свет, если бы моя мать Вера Марковна не решила за несколько месяцев до родов отправиться к своим родителям, в Екатеринослав.

Вера Марковна не случайно отправилась к родителям — Марко и Ольге Кричевским. Родственные связи в семье Кричевских были на редкость крепки и сердечны. Мудрая и деятельная Ольга Львовна Кричевская до конца своих дней оставалась незабываемым авторитетом для